

ДВА ВЕКА

В КОЛЛЕКЦИЯХ Зоологического Музея

МГУ

Под
редакцией
О. Л. Россолимо

Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ/Под ред. О. Л. Россолимо.—
М.: Изд-во МГУ, 1991. 264 с.: ил.

Книга посвящена 200-летнему юбилею одного из крупнейших и старейших музеев России — Зоологического музея Московского университета. В отдельных очерках отражены основные этапы истории музея, его хранительской, научной и просветительской деятельности. Значительное внимание удалено характеристике современного состояния научных фондов музея, их роли в классических зоологических исследований. Специальные главы посвящены развитию экспозиции музея, его научной библиотеки. Кратко рассмотрены основные проблемы и перспективы развития Зоологического музея.

Книга иллюстрирована портретами крупнейших деятелей музея и их автографами, фотографиями музеиных экспозиций и особой серии экспонатов, фондохранилищ, преподкружиями хранящихся в музее картин выдающихся художников-анималистов. Рассчитана на широкий круг зоологов, музееведов, всех интересующихся историей русской биологической науки.

Рецензенты:

доктор биол. наук А. А. Шилейко,
доктор биол. наук Л. С. Степанян

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

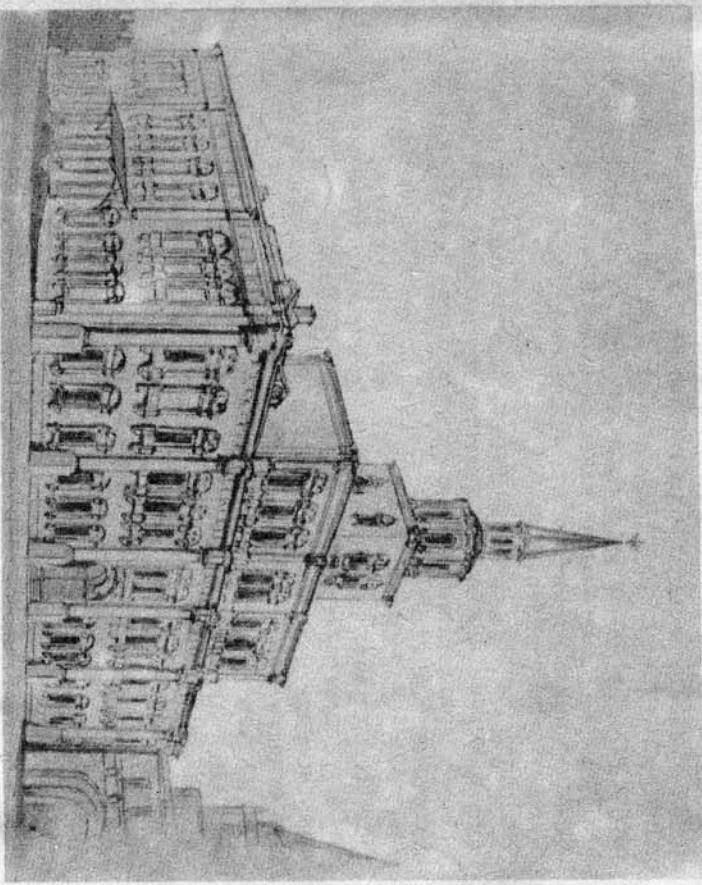
Д 190700000—073 129—91
077(02)—91

Издательство
Московского университета
1991

История музея¹

С момента открытия

Московского университета в 1755 г. меценаты и любители просвещения приносили ему в дар значительные книжные собрания и различные коллекции, в том числе естественнонаучные. Одной из крупнейших таких коллекций был переданный в 1759 г. братьями Никитой и Прокофием Демидовыми² Минералогический кабинет, включавший

Первое здание Московского университета — Аптекарский дом на Красной площади

Университетский Кабинет (или Музей), что по существу одно и

то же) натуральной истории в первые годы XIX в. пополнялся весьма активно за счет прекрасных частных собраний. Среди них в первую очередь заслуживает упоминания Семятинский кабинет натуральной истории. В 1802 г. этот кабинет купил у Владельцев за огромную

по тем временам сумму в 50 тысяч голландских гульденов император Александр I и подарил его Московскому университету. Этот кабинет принадлежал ранее князьям Яблоновским и хранился в их имении в местечке Семятин под Барановичами. В университете коллекции были привезены на 10 крытых подводах в сопровождении чучельного мастера Ришара, который стал работать в музее. Это собрание еще до поступления в университет имело европейскую известность как одно из самых крупных и интересных в области зоологии и естественной истории в целом.

В это время в Московском университете начинается чтение публичных лекций для всех интересующихся натуральной историей. Демонстрации в ходе этих лекций Семятинского кабинета служили не только наглядной иллюстрацией к содержанию, но и

в себя около шести тысяч образцов. Изначально целью формирования университетских коллекций было использование их в качестве учебных материалов. Поэтому они хранились в библиотеке, где с ними могли самостоятельно работать студенты. Естественным результатом было то, что довольно быстро некоторая часть даров пришла в негодность или была утрачена.

В 70-х гг. XVIII в. передал университету свою коллекцию рыб и земноводных граф Строганов. После чего была предпринята первая попытка систематизации естественнонаучных коллекций, направляемая на упорядочение как их хранения, так и работы с ними. Ими занялся профессор натуральной истории Матвей Иванович Афонин. Он читал зоологию, ботанику, минералогию и земледелие, с него собственно и началась Кафедра натуральной истории в Московском университете. Преподавал он недолго, с 1770 по 1777 г., и его работа с коллекциями, к сожалению, осталась незавершенной.

1791 г. большинство источников указывают как дату, когда усилиями профессора натуральной истории Московского университета Антона Антоновича Прокоповича (Прокоповича) был основан самостоятельный Кабинет натуральной истории как хранилища университетских собраний по натуральной истории. В августе 1786 г. начались строительство специального здания для Московского университета на Моховой улице по проекту архитектора М. Ф. Казакова, где для будущего музея отводилось специальное, хотя и сравнительно небольшое, помещение приблизительно в 52 квадратные сажени (около 220 м²). Еще до полного завершения стройки, в 1791 г., когда была готова только центральная часть здания, в левой галерее около большой аудитории начал обустраиваться музей. В шкафах вдоль стен размещались чучела животных, скелеты, влажные препараты, кораллы, а на столах, стоявших по центру зала, под колпаками лежали раковины и минералы. В этом же помещении хранились немногочисленные гербарии, образцы плодов и семян растений, а также нумизматические коллекции.

Университетский Кабинет (или Музей), что по существу одно и то же) натуральной истории в первые годы XIX в. пополнялся весьма активно за счет прекрасных частных собраний. Среди них в первую очередь заслуживает упоминания Семятинский кабинет натуральной истории. В 1802 г. этот кабинет купил у Владельцев за огромную по тем временам сумму в 50 тысяч голландских гульденов император Александр I и подарил его Московскому университету. Этот кабинет принадлежал ранее князьям Яблоновским и хранился в их имении в местечке Семятин под Барановичами. В университете коллекции были привезены на 10 крытых подводах в сопровождении чучельного мастера Ришара, который стал работать в музее. Это собрание еще до поступления в университет имело европейскую известность как одно из самых крупных и интересных в области зоологии и естественной истории в целом.

В это время в Московском университете начинается чтение публичных лекций для всех интересующихся натуральной историей. Демонстрации в ходе этих лекций Семятинского кабинета служили не только наглядной иллюстрацией к содержанию, но и

¹ Раздел написан И. В. Иксановой, А. А. Кузнецовым, К. Г. Михайловым, И. Я. Павлиновым при участии Д. Л. Иванова, С. А. Кулешовой и О. Л. Россолимо.

² Демидовы — семья уральских горнозаводчиков, в 1720 г. получили дворянское звание, покровительствовали развитию искусства и науки, собирали различные коллекции и библиотеки, которые передко дарили государственным учебным заведениям, финансировали некоторые премии Российской Академии наук.

были своеобразной рекламой этих лекций, которые читал профессор Федор Герасимович Политковский.

В те годы в Москве был еще один известный музей — частный, принадлежавший Павлу Григорьевичу Демилову (из семьи все тех же уральских горнозаводчиков). П. Г. Демилов был высокообразованым человеком, состоял в переписке с Карлом Линнеем. Его музей включал прекрасную коллекцию, составленную по трем частям природы, и великолепную библиотеку. В зоологической ее части находились, например, 15 чучел млекопитающих (обезьяны, муравьи, дикая свинья); 115 чучел птиц представляли все известные в то время отряды и семейства; 30 рыб и пресмыкающихся, в том числе крокодил, рыба-меч, рыба-лила; по несколько тысяч экземпляров моллюсков, насекомых и кораллов. Музей размещался в отдельном доме, доступ в который ограничивался кругом друзей и знакомых хозяина. В 1804 г. П. Г. Демилов выразил желание передать свой музей Московскому университету и предварительно внес в сохранную казну 100 тыс. рублей. Проценты от этой суммы он предназначил для содержания музея, а также для жалования особому профессору кафедры натуральной истории, кто бы стал хранителем коллекции.

В 1804 г. был принят новый Устав Московского университета в котором согласно § 85 было определено, что профессор натуральной истории и заведующих одноименной кафедрой является одновременно и заведующим Кабинетом (Музеем) натуральной истории. Тем самым было обеспечено теснейшее единство кафедры и музея, столь необходимое для их успешного функционирования и развития. На эту должность специально был приглашен из Германии молодой профессор Готтгельф Фишер фон Вальдгейм, известный в дальнейшем под именем Григория Ивановича Фишера. Музей стал любимым детищем Г. И. Фишера, он уделял ему много времени и сил. Так, Г. И. Фишером в 1807 г. был тщательно описан музей Демилова: каталог занимал полных три тома.

В 1805 г. Г. И. Фишер создает Московское общество испытателей природы (МОИП) с целью максимально полного изучения естественной истории России. Более чем на полвека это общество стало важнейшим источником пополнения музеиных коллекций. На его средства снаряжаются экспедиции по нашей стране, а также в наиболее интересные в фаунистическом отношении районы планеты. Между 1807—1810-ми годами

Екатерина Романовна Воронцо-

ва — Дашкова, бывшая первым президентом Российской Академии Наук, пожертвовала в пользу Московского университета богатейшее в тогдашнем учченом мире собрание минералов. Таким образом, к 1812 году в университете сформировался крупнейший музей естественной истории, которому, в частности, по полноте собрания минералов не было равного в Европе. Площадь, отведенная в ту пору музею, занимала уже почти всю левую половину галереи центральной части здания — около 214 кв. саженей (около 900 м²), но и там коллекциям было тесно.

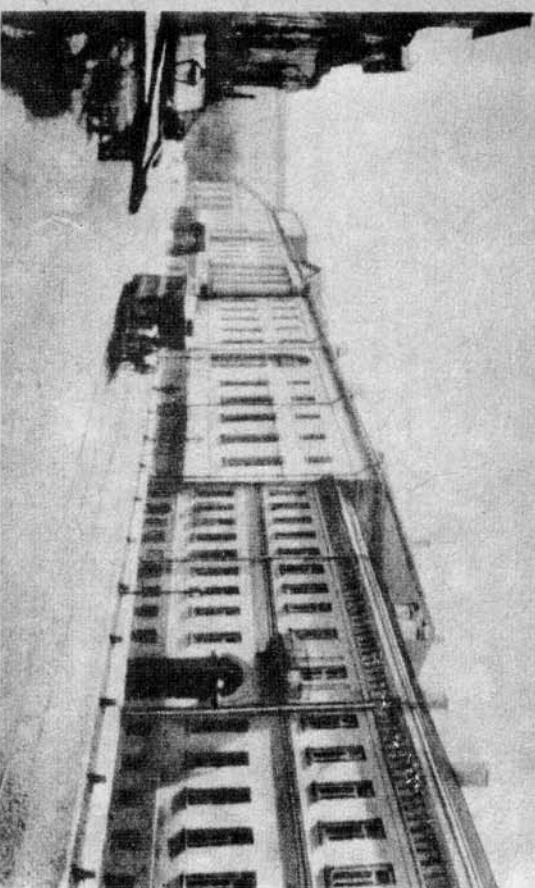
К сожалению, все это бесценное научное богатство почти полностью погибло в сентябре 1812 г. в огне московского пожара. Лишив небольшую часть раковин кораллов и моллюсков была эвакуирована во Владимир и Нижний Новгород, но дальнейшая судьба их неизвестна. Г. И. Фишеру, оставшемуся в Москве, удалось спасти некоторую часть конхиологической коллекции.

Хотя главное здание университета сгорело, а на восстановление его требовалось много времени, Г. И. Фишер сразу же после изгнания французов приступает к самому активному комплектованию новых музеиных фондов. Он передает в музей все свои личные собрания, привлекает многих естествоиспытателей и частных коллекционеров к заботам по восстановлению музея. Большое число коллекций поступает в эти годы через МОИП. Академия наук подарила музею скелет слона, граф Разумовский — коллекцию европейских насе-комых.

Именно в это время еще один представитель рода Демиловых — Николай Никитич — передает свою коллекцию, включающую 2970 музеиных предметов. Это и минералы, и зоологические объекты, различным образом зафиксированные и консервированные (набивка, заливка в жидкие среды, мумификация). Уже в 1814 г. в возрожденном музее насчитывается до 6 тыс. единиц хранения. К сожалению, документальные свидетельства о том, где хранились коллекции в это время, по-видимому, не сохранилось, хотя данные о них фигурируют в университетских отчетах. Позднее (две-три в 20-е гг.) музей получает помещение в так называемом Пашковом доме — флигеле нового аудиторного корпуса, расположенного рядом со сгоревшим главным зданием университета на противоположной стороне Большой Никитской улицы. При этом происходит разделение коллекций на зоологическую часть с небольшим объемом ботанических материалов и на минералогическую.

Опись коллекций восстановленного музея была опубликована Г. И. Фишером в 1822 г. В этой описи перечислены все виды, представленные в коллекции, для каждого указаны латинское и иногда русское название, количество экземпляров, приблизительное место сборов (Сибирь, Африка, Московская губ.). В музее хранится и коллекционная опись более позднего времени; можно предполагать, что она составлялась Г. И. Фишером для подготовки второго издания музеиного каталога.

Зоологические коллекции чрезвычайно активно пополняются усилиями меценатов, любителей естествознания, но, главным обра-

Здание музея по Б. Никитской ул. (центральное в ряде) — филиал Пашкова дома

зом, целенаправленной собирательской деятельностью членов МОИП. В начале 30-х гг. в музее было около 1300 экз. позвоночных животных и более 23 тыс. беспозвоночных животных. Г. И. Фишер специально в 1830 г. выезжал в Европу для знакомства с принципами организации коллекций разных музеев, в первую очередь Национального музея естественной истории в Париже.

В 1832 г. Г. И. Фишер разработал программу (обсужденную и утвержденную на специальном заседании МОИП) организации Отечественного естественнонаучного музея в Москве, основой которого должен был стать Зоологический музей Московского университета. Сразу же после названного заседания стали поступать пожертвования: почетный член МОИП, отставной капитан А. Рюмин пожертвовал для размещения музея дом (стоимостью 80 тыс. руб.) на Смоленском рынке да к тому же деньги на перевозку университетских коллекций. Когда дар был совершен, университетская администрация отобрала этот дом у музея. Аналогичная участь постигла и другой дар — дом грека Зосимы на Трех Горах, которых также предназначался бывшим хозяином для Отечественного музея естественной истории, но оборудована там была астрономическая обсерватория.

Еще более 150 лет назад замечательный учёный и музейный деятель Г. И. Фишер предвидел необходимость создания комплексного Отечественного естественнонаучного музея по образцу имеющихся в большинстве развитых стран мира Национальных музеев естественной истории. Но его мужественная борьба оказалась безуспешной. Ни попечительский совет Московского университета, ни попечи-

тель Московского учебного округа этой идеи не поддержали. Уже тогда ведомственный подход оказался выше здравого смысла, и в том же 1832 г. (очевидно, в знак протеста) Г. И. Фишер подает в отставку с должности заведующего кафедрой и музейм, концентрируя свои усилия на деятельности работе в МОИП. На два следующих года заведование музеем берет на себя сын Г. И. Фишера — Александр Григорьевич Фишер, ботаник.

С 1834 по 1840 г. музейм заведовал Алексей Леонтьевич Ловецкий, предпринявший попытку более детальной систематизации фондов. При нем собрание музейных предметов было разделено на две части. Одна из них, использовавшаяся в учебном процессе, называлась систематической и формировалась по принципу максимальной представленности мировой фауны. Другой частью было собрание отечественной фауны, которое должно было служить для исследования животного мира России. Именно это второе направление деятельности в последующей истории музея стало основным. В первом собрании к этому времени было 28 тыс. экз., во втором — около 11 тыс.

В 1837 г. на должность ассистента и хранителя музея в Московский университет приходит Карл Францевич Рулье. В 1840 г. он становится заведующим музеем и возглавляет его до 1958 г. К. Ф. Рулье, по справедливости считающийся основателем школы московских зоологов, был страстью пропагандистом комплексного подхода к изучению явления живой природы. Такая позиция, в частности, привела Рулье к пониманию необходимости серийных музейных сборов, а не единичных экземпляров. Музей в период его деятельности весьма активно пополняется по разделу отечественной фауны. В это время в коллекцию поступает достаточно много палеонтологического материала. Знаменитым событием стала передача в 1842—1844 гг. в Зоологический музей Московского университета обширных коллекций (более 15 тыс. экз.) из Медико-хирургической академии. Эти коллекции принадлежали учебному музею академии, созданному стараниями неутомимого Г. И. Фишера. Благодаря значительным поступлениям к концу 50-х гг. в Зоологическом музее хранилось уже более 65 тыс. экз.

Многосторонняя преподавательская, научная и публицистическая деятельность К. Ф. Рулье оставляла ему слишком мало времени для практических занятий музеем. Поэтому К. Ф. Рулье специально приглашает из Медико-хирургической академии (где прежде служил и сам) бывшего хранителя ее учебного музея К. И. Ренара. В университете К. И. Ренар продолжает заниматься хранением, ведя всю

Карл Францевич Рулье

Карл Иванович Ренар

практическую работу по Зоологическому музею — вплоть до составления и подписывания отчетов о его деятельности.

После скоропостижной смерти К. Ф. Рулье в 1858 г. хранитель университетского Зоологического музея Карл Иванович Ренар становится его директором. Не будучи профессором, он не смог унаследовать от своего покровителя кафедру, что отчасти сыграло в ближайшей судьбе музея отрицательную роль. В 1860 г. в связи с созданием в Москве крупного Публичного (впоследствии известного как Румянцевский) музея возникла идея передать в него университетские собрания. К. И. Ренар, не имея достаточного авторитета и официальных полномочий, не смог отстоять необходимость сохранения музея при кафедре. В этом же году значительная часть его коллекций была перемещена в дом Пашкова (не путать с одноименным университетским домом), который занимал Публичный музей. Это вызвало законное недовольство университетской профессуры, и в 1862 г. усилиями заведующего кафедрой естественной истории А. П. Богданова коллекции были возвращены; но им все же был нанесен заметный ущерб. Видимо, по этой причине К. И. Ренар был отстранен от должности директора музея, формальным поводом для чего послужило нарушение Устава университета: как уже было указано выше, требовалось, чтобы музей руководил заведующий кафедрой.

Профессор Анатолий Петрович Богданов, занимавший кафедру натуральной истории после К. Ф. Рулье и позже выделивший в ней для себя кафедру зоологии, при которой и остался Зоологический музей, был назначен директором последнего в 1863 г. и оставался на этом посту 33 года (до 1896 г.). Это были годы расцвета музейной деятельности по всем направлениям, благотворно отразившегося на развитии исследований во многих научных центрах России. Многие

Анатолий Петрович Богданов

Значительно возросли в эти годы поступления в фонды: к концу XIX в. численный состав коллекции музея составил почти 87 тыс. экз. Музей начинает организовывать специальные экспедиции и командировки для пополнения коллекций в самые разные районы, причем для их проведения Богданов умел привлекать средства меценатов, общественных организаций. Особая роль в пополнении коллекций в то время принадлежала организованному А. П. Богдановым Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). В отличие от МОИП, действовавшего на профессиональной основе, членом ОЛЕАЭ мог стать просто любитель. При этом значительная часть меценатов считали для себя престижным материально поддерживать экспедиционную деятельность этого общества, становясь почетными членами. Кроме того, через ОЛЕАЭ был обеспечен и выпуск научных трудов музея, что служило логическим завершением усилий, затрачивавшихся на пополнение коллекций.

Стабильным источником поступлений стал и Московский зоологический сад, основанный в 1864 г. при самом активном участии А. П. Богданова. Богданов считал, что для научных исследований зоосад также необходим, как и музей, и потому много сил и энергии вкладывал в его развитие. В этот период два учреждения — музей и зоосад — были тесно связаны прежде всего научными интересами, поэтому все погибавшие зоосадовские животные поступали в музейное собрание.

Одной из наиболее ценных коллекций, поступивших в музей в то время из-за рубежа, было собрание животных, привезенное в 90-е гг. из кругосветного плавания на крейсере «Адмирал Нахимов». Собирал его морской врач В. И. Исаев. Это были млекопитающие и птицы, рептилии и амфибии, рыбы, множество беспозвоночных животных со всего света. Относительно коллекции доктора В. И. Исаева, — сказано в отчете музея за 1890 г., — нужно заметить, что она со-

ученики А. П. Богданова, выросшие в музее и работавшие в нем ассистентами и хранителями коллекций, стали известными русскими учеными. Среди них — крупнейший специалист в области сравнительной анатомии профессор Петербургского университета В. М. Шимкевич; академик и директор Зоологического музея Академии наук в Петербурге Н. В. Насонов; знаменитый энтомолог Н. М. Кулагин; известный анатом Н. Ю. Зограф; наконец, профессор Московского университета и впоследствии директор Зоологического музея этого университета Г. А. Кожевников.

При А. П. Богданове в музее началась систематическая научная работа, в которой участвовали не только сотрудники музея (их в то время было 5—6 человек) и кафедры зоологии, но и сторонние специалисты, обрабатывавшие музейные материалы. Благодаря усилиям Богданова при музее и кафедре была организована специальная исследовательская лаборатория, разработана программа по исследованию морской фауны, установлены творческие контакты и обмен музейными образцами со многими научными и музейными организациями за рубежом.

Значительно возросли в эти годы поступления в фонды: к концу

ставлена весьма опытной рукой. Д-р Исаев в каждой местности брал то, что характерно для нее и что имеет особенную цену для музея. Кроме того, все экземпляры отличаются замечательно удачной консервировкой, так что могут служить для анатомогистологических работ.

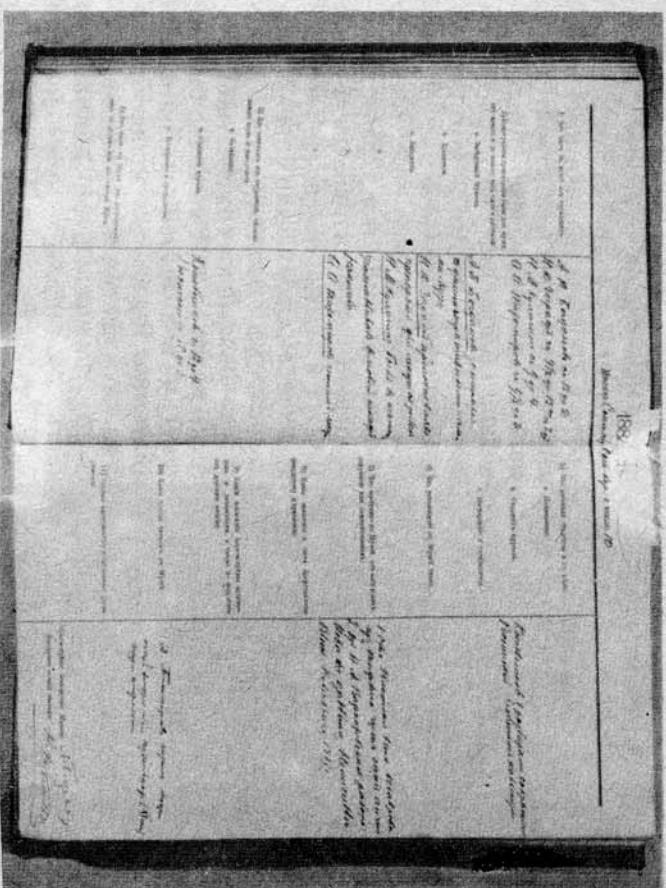
Принципы организации хранения и учета музейных коллекций привлекали особое внимание А. П. Богданова. Он часто выезжал за границу, где знакомился с устройством и работой естественно-научных музеев и зоологических садов, а также приобретал многочисленные коллекции для университетского музея в Москве. Богданов побывал в Берлине, Париже, Лондоне, Брюсселе, Стокгольме, Копенгагене, Варшаве, Вене, Берне и многих других городах Европы, откуда привозил бесценный опыт работы старейших и крупнейших музеев, по мере возможности использовал его в деятельности своего музея.

Так, А. П. Богданов несколько иначе, чем это было принято в Музее ранее, делит структуру фондов. Он выделяет экспозиционные фонды — то, что пригодно или изготавливается специально для публичного показа. Отдельно выделяются также специальные учебные коллекции, которые можно использовать в качестве раздаточного материала для самостоятельной работы студентов по определению, а также демонстрировать во время учебных и публичных лекций. Эти меры позволили повысить сохранность научных коллекций, которые в новой структуре фондов музея получают центральное место.

По предложению А. П. Богданова, в 1864 г. в музее заводится единая учетная «Шнуровая книга», в которую постепенно заносятся все уже имеющиеся в музее объекты. Листы книги были заранее пронумерованы, прошнурованы и подписаны помошником секретаря Совета Московского университета, последний лист завизирован ректором университета и секретарем упомянутого Совета. Хотя книга была единой, коллекционные материалы по каждой группе хранения регистрировались независимо, для чего в книге были выделены соответствующие разделы (позже они составили основу самостоятельных учетных книг). Списки и описания предметов, хранящихся в Зоологическом музее, были опубликованы в нескольких выпусках 54-тома Известий ОЛЕАЭ.

В 80—90-х гг. велась и весьма примечательная специальная «Дежурная книга», в которой ежедневно фиксировалось все, что происходило в стенах музея, кто из сотрудников музея был и в какие часы, какие работы проводились, кто из студентов занимался, кто был в музее из посторонних, что и от кого в музей поступило. Отмечались также особые происшествия и сделанные распоряжения. Этот дневник вел дежурный ассистент, ежедневные записи визировал заведующий музеем. В музее до сих пор бережно хранятся эти дневники, по которым можно точно установить даты некоторых событий, а также наглядно представить себе темп, содержание и распорядок повседневной жизни музея тех лет.

С ростом фондовых собраний, некоторым увеличением штата сотрудников и работающих с коллекциями специалистов и студентов очень остро стал вопрос о помещении. В отчете музея за 1877 г.

Дежурная книга музея. Записи за 10 сентября 1887 года

читаем: «Зоологический музей находится в печальном положении по отношению своего помещения. Недостаточность пространства не дает возможности не только принять необходимые меры к должному размещению предметов, но и даже к их полной сохранности. Практические занятия крайне затруднительны, несмотря на то что для них востользовались даже пространством между шкафами. Невозможность отделить рабочие помещения от систематических собраний делает непреложными меры к введению системы и строгого порядка в размещении и сохранности предметов». Все это усугублялось еще и тем, что старые помещения требовали капитального ремонта. Поэтому было принято решение о проектировании и строительстве нового здания специально для Зоологического музея, в котором предусматривалось также разместить и находившийся в еще более бедственном положении Музей сравнительной анатомии. Проект, выполненный академиком архитектуры К. М. Быховским, отводил зданию угол Большой Никитской ул. и Долгоруковского пер. (ныне ул. Герцена и ул. Белинского соответственно). Однако А. П. Богданов проект не принял. Он полагал, что музей должен оставаться на прежнем месте, т. е. на левой стороне Б. Никитской ул. (Богданов даже приготовил собственноручно эскиз предполагаемого здания в университете дворе).

После смерти А. П. Богданова в 1896 г. заведовать музей стал профессор Александр Андреевич Тихомиров, бывший в нем с 1877 г.

ассистентом и хранителем коллекции.

А. А. Тихомиров руководил музеем совсем недолго (он оставил должность в 1904 г.), однако именно ему принадлежит заслуга строительства нового здания музея. Оно было возведено по проекту Быховского в течение 1898—1901 гг. и сохранилось практически неизменным по сей день; только стеклянные «фонари» над экспозиционными залами второго этажа были разрушены в конце 1941 г. и позже заменены железной крышей. Правое крыло здания отводилось под Зоологический музей, левое — под некоторые службы этого же музея (в том числе его библиотеку) и под Музей сравнительной анатомии. В этом же здании разместилась кафедра зоологии Московского университета. Центральную часть на втором этаже занимала Большая зоологическая аудитория. Горизонтальные помещения в обоих крыльях были предназначены для квартир профессоров.

Переезд в новое здание был начат незамедлительно. Сравнительно-анатомическая часть здания была освобождена уже в конце 1901 г., фондовые коллекции Зоологического музея перенесены к июню 1902 г. Однако оборудование помещений, создание экспозиции, размещение

Александр Андреевич Тихомиров

Большая зоологическая аудитория. Горизонтальные помещения в обоих крыльях были предназначены для квартир профессоров.

Переезд в новое здание был начат незамедлительно. Сравнительно-анатомическая часть здания была освобождена уже в конце 1901 г., фондовые коллекции Зоологического музея перенесены к июню 1902 г. Однако оборудование помещений, создание экспозиции, размещение

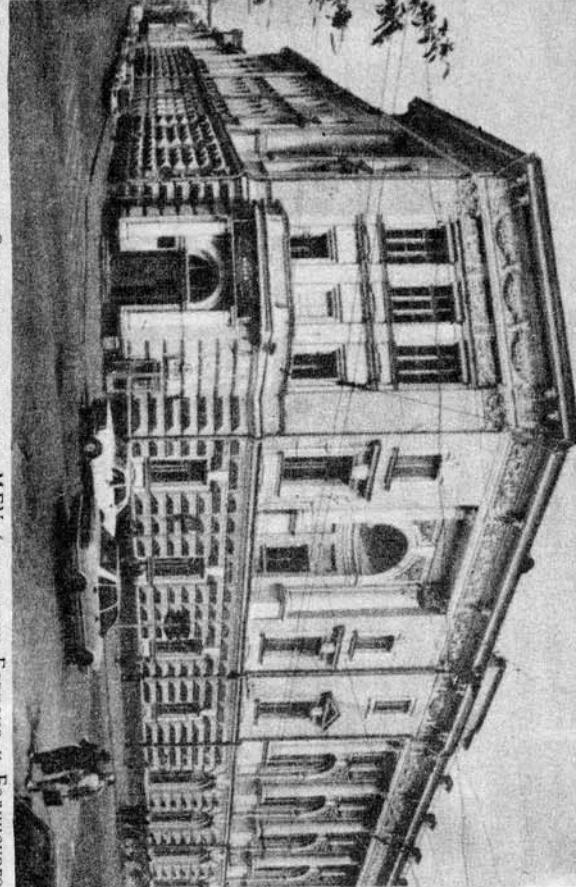
коллекций потребовало довольно много времени. Из-за отсутствия необходимого оборудования коллекции удалось разместить надлежащим порядком лишь к 1908 г. Для посетителей же музей был открыт в 1911 г.

К сожалению, при освоении новых помещений далеко не все из задуманного было выполнено в полном объеме, причиной чему была стесненность в средствах. Для научных фондов так и не удалось получить специальные шкафы. Большой удачей стало приобретение прекрасных герметичных металлических витрин с зеркальными стеклами производства лейпцигской фирмы «Кюншерф», которые успели служить и по нынешнее время. Однако денег хватило лишь на то, чтобы оборудовать ими Верхний зал; кроме того, такими же витринами был оборудован зал Музей сравнительной анатомии, позже присоединенный к Зоологическому музею.

В 1904 г. директором музея стал Григорий Александрович Кожевников, начавший работу в музее в 1889 г. с должности асистента. Он считал своим долгом популяризировать науку, в традициях музея читал публичные лекции, писал популярные статьи. По мере возможностей Г. А. Кожевников привлекал к научной работе учителей биологии гимназий, натуралистов-любителей и, конечно же, студентов. В частности, в 1907 г. при Зоологическом музее был создан студенческий семинар для знакомства с новой литературой и рефериования статей. Весной 1908 г. Г. А. Кожевников организовал первую учебную зоологическую практику студентов на Севастопольской биологической станции, одной из основных ее тем была коллекционная работа — сбор и препарировка экспонатов. Все это благоприятно сказалось на престиже и росте известности музея, привлекало к нему новых людей.

Очевидно, именно такой характер интересов нового директора музей заставил его приложить максимум усилий к тому, чтобы залы музея стали доступны для публики. Это удалось осуществить в начале 1911 г. — были открыты залы, расположенные на втором этаже. Нижний зал служил в то время фондохранилищем.

Благодаря Г. А. Кожевникову возросло использование коллекций в педагогическом процессе, чему в немалой степени способствовало то, что кафедра зоологии целиком размещалась в здании музея. Демонстрации музейных экземпляров сопровождались 16 курсов университетских лекций, большие и малые практикумы, на ма-

Григорий Александрович Кожевников

териалах музея работали группы аспирантов. Это тесное взаимодействие имело чрезвычайно большое значение для воспитания «музейного духа» у будущих зоологов, понимания ими роли музея и музейных коллекций в научной и научно-просветительной деятельности.

В начале нашего века на работу в музей в качестве штатных сотрудников или на правах кураторов пришли молодые талантливые зоологи. Достаточно назвать С. И. Огнева, П. Н. Плавильщика, С. С. Турова, Л. А. Зенкевича, Л. Л. Россолимо, чтобы представить себе, сколь велика была роль музея как одного из организующих центров отечественной зоологии. Яркое созвездие московских зоологов, тесно связанных с музеем, при Г. А. Кожевникове пополнили В. Г. Гептнер, А. Н. Формозов, Б. С. Кузин, Б. Б. Родендорф, А. Н. Желюховцев, К. В. Арнольди, С. П. Наумов, Б. А. Кузнецова, Н. А. Глаков, Е. П. Слангенберг.

В начале XX столетия Зоологический музей Московского университета по значению своих научных фондов прочно занял второе место в нашей стране — после Зоологического музея Академии Наук в Петербурге. Директор последнего Ф. Д. Плеске в 1913 г. писал, что «ни одна крупная, серьезная систематическая и зоогеографическая работа невозможна, если не пользоваться одновременно как петербургскими, так и московскими коллекциями». Росту научного авторитета способствовали постоянно поступавшие в музей ценные материалы.

Среди них в первую очередь необходимо отметить переданную в 1912 г. через МОИП коллекцию насекомых В. И. Мочульского. Она размещалась в 285 ящиках и занимала 12 специальных шкафов. Правда, сохранность материалов в этой коллекции к моменту передачи была не очень высокой и по ходатайству музея университет выделил целевым назначением 950 руб. для приведения коллекции в порядок. Эти сборы, среди которых много типовых экземпляров, ранее специалистами не обрабатывались и потому сразу же привлекли к себе внимание энтомологов.

По-прежнему активно развивалась собственная экспедиционная деятельность музея, служившая источником многих очень ценных материалов. Так, летом 1917 г. состоялась Байкальская экспедиция (в ней участвовали И. И. Месицев, Л. А. Зенкевич, Л. Л. Россолимо), которая положила начало систематическому изучению уникальной фауны этого озера. Несколько ранее совершил многочисленные поездки выдающийся биолог-эволюционист Л. С. Берг, работавший в то время в музее; в начале столетия он занимался исследованием рыб Средней Азии и привез оттуда уникальные сборы. Наконец, заслуживает упоминания Ямальская экспедиция Русского географического общества (1908 г.), в которой от музея участвовал Б. М. Житков. Из этой экспедиции поступили многочисленные материалы по птицам, рыбам, млекопитающим, насекомым, моллюскам. Организационные перестройки в системе науки и высшего образования, характерные для послереволюционных лет, не миновали Зоологический музей и его ближайшее окружение. С легкостью возникают новые научные и учебные подразделения и учреждения, мно-

гие из них с не меньшей легкостью прекращают существование или меняют статус. В частности, в музее зародились Плавучий морской научный институт (Плавморнин), в дальнейшем преобразованный в Океанографический институт; Научно-исследовательский институт зоологии (НИИЗ), просуществовавший до 1950 г. Этот период повышенной реорганизационной активности имел для музея скорее отрицательные, нежели положительные последствия. Ведь коллекции и вся деятельность, связанная с их хранением и научной обработкой, требуют устойчивости, стабильности, надежности, которую обеспечивает лишь достаточно развитая общекультурная традиция.

Г. А. Кожевников, будучи заведующим кафедрой зоологии, сохранил за собой и заведывание музеем, а также научной лабораторией, которая какое-то время по-прежнему оставалась единой для кафедры и музея. Ученым хранителем всех научных коллекций в первые послереволюционные годы был Н. Н. Плавильщиков (1919—1921 гг.), позже в этой должности служил Э. Г. Беккер. В 1925 г. были введены штатные должности ученых хранителей по отдельным систематическим группам, существовавшие до 1931 г. (т. е. до полной реорганизации музея). Их заняли В. Г. Гептнер (по позвоночным животным), Б. С. Кузин (по насекомым), Е. В. Боруцкий (по прочим беспозвоночным животным). Им в помощь был придан препаратор.

Одной из первых реорганизационных мер, непосредственно связавшейся на музее, было создание в 1923 г. НИИЗа на основе научных лабораторий зоологического и физиологического профиля. Формально музей тем самым лишился научных кадров, оказался на положении учебно-вспомогательного подразделения. Впрочем, необходимо заметить, что поначалу такое обособление не отражалось на существе по крайней мере научной работы благодаря сохранению тесных деловых отношений между теми, кто остался при музее, и теми, кто оказался в НИИЗе. Истинная проблема была в том, что каждое вновь возникающее подразделение университета, так или иначе связанное с зоологическими исследованиями, непременно размещалось в здании музея.

Так, Нижний зал к 1927 г. был фактически превращен в рабочее помещение Плавморнина: там работало около 100 его сотрудников, были расставлены их столы, шкафы, лабораторное оборудование. В стенах же музея происходила и подготовка северных экспедиций Плавморнина. В результате временами кабинеты сотрудников превращались в нечто, напоминающее склад. Вот как, например, В. Васищев описывает кабинет профессора И. И. Месицева:

«Первое впечатление о «кабинете ученого» было неожиданным. Длинная, очень высокая и сравнительно узкая комната. По обе стороны от входной двери, вдоль стен, висят до самого потолка грубо сколоченные стеллажи. Между ними оставлен только узкий проход. Перед широким окном большой лабораторный стол. На нем микроскоп, бинокуляр, стеклянные банки, пробирки в стойках, множество книг.

А на полках стеллажей! Чего только нет! Сапоги и ведра, вален-

ки и кастрюли, пластины и чайники. Стеклянные банки с деревянными спающими гвоздями, жестяные кружки, алюминиевые ложки, ведра, полные чая и душистого перца. Ярусом выше нахиханы кожаные куртки, брюки, меховые шапки, ватники, тарелки, тетради и даже несколько часов-холиков с медными гилями и расписными циферблатами. А под самым потолком, над головой, плетеные канадские лыжи, там же ружья, фотоаппараты, патроны, треноги и бесконечное разнообразие других вещей»¹.

Очевидно, что в этих условиях музейные коллекции не получали должного внимания и ухода, постоянно находились в движении, перемещались с места на место по мере того, как площахи под фондохранилища сокращались. Для посещения, да и то только сотрудниками и студентами университета, был открыт один Верхний зал (2 дня в декаду).

Ситуация обострилась в 1930 г., когда был организован Биологический факультет университета. Г. А. Кожевников был уволен, музей перешел в подчинение ПИИЗа и его временно возглавил профессор Л. А. Зенкевич. Музей начал подвергаться давлению не только институтов, уже занимавших в нем значительную часть помещений, но и вновь организуемых кафедр, которым также были нужны новые помещения (напомним, что почти весь факультет был размещен все в том же здании Зоологического музея). Дело дошло до того, что предложенная руководством ПИИЗа (А. М. Быховская, Е. М. Вермель) реорганизация музея предусматривала разделу «дублетного фонда», т. е. подавляющей части научных коллекций, в другие музеи и вузы. Очевидно, что это означало бы фактически ликвидацию музея как научно-исследовательского учреждения. Тогда же в первый раз возникла идея объединения Зоологического музея МГУ и Дарвинского музея, против чего резко выразился директор последнего А. Ф. Котс.

Объединение в здании музея ряда научных учреждений, впрочем, имело и некоторую привлекательную сторону: благодаря этому музей в 20—30-е гг. был одним из «центров притяжения» для некоторой части московской интеллигенции. В частности, романика северных путешествий, ставших возможными благодаря организуемым музеем и Плавморинном экспедициям, привлекает к музею ярких личностей.

С первых лет в штате института появляется В. М. Голицын, который, работая матросом, принимает участие в экспедициях. Его тяга к рисованию и впечатления, полученные в рейсах судов «Соловей Будимирович» и «Персей», помогли ему стать замечательным художником. Вероятно, в его становлении как художника сыграло свою роль и знакомство с В. А. Ватагиным, также принимавшим участие в одной из экспедиций на «Персее». Благодаря знакомству с многими зоологами музея возникло сотрудничество В. М. Голицына с В. С. Трубецким, который под псевдонимом В. Ветров писал занимательные, наполненные прекрасным юмором рассказы во «Всемирном

Иллюстрация В. М. Голицына к рассказу В. Ветрова (псевдоним В. С. Трубецкого) «Драгоценная галка» — шаржи на С. И. Огнева, С. С. Турова и В. С. Трубецкого

следопыте» (в дальнейшем журнал «Вокруг света»). В этих рассказах В. С. Трубецкой зачастую описывал реальные случаи из своих

загородных и более дальних поездок, которые он совершил вместе с С. С. Туроным, С. И. Огневым и Н. А. Бобринским. Все эти персонажи иногда появлялись в его рассказах о приключениях Бочонкина и Хвоща. В рассказе «Драгоценная галка» описывается посещение Хвощом (под именем которого Трубецкой имел виду себя) Зоологического музея, а Б. М. Голицын в иллюстрации к этому рассказу в очень комичной манере с сохранением портретного сходства изобразил В. С. Трубецкого, С. И. Огнева, С. С. Турова и И. А. Бобрина ского.

С Плавморином был связан также и Б. Пильняк, в качестве корреспондента одной из центральных газет принявший участие в рейсе «Персея» в 1924 г. Возможно, что знакомство с биологами послужило толчком для Б. А. Пильняка при написании некоторых его фантастических рассказов с зоологическими реминисценциями.

В те годы квартира проф. А. Н. Северцова, расположенная эта-жом ниже музея сравнительной анатомии, была своего рода «клубом» для определенного круга московской интеллигентии (дочь Северцова была замужем за искусствоведом А. Г. Габричевским). В этой квартире бывали Фальк и Кандинский, филологи Ф. А. и М. А. Петровские. 31 декабря 1925 года в квартире Северцовых оказался и М. А. Булгаков. Это знакомство, вероятно, послужило тому, что А. Н. Северцов стал прототипом профессора Персикова в повести «Роковые яйца»¹. В описаниях деталей обстановки М. А. Булгаков упоминает светильники в виде больших матовых шаров: такие светильники освещали экспозиционный зал Музея сравнительной анатомии. Фамилия персонажа скорее всего возникла благодаря ве-роятному знакомству М. А. Булгакова с профессором Института сравнительной анатомии А. И. Абрикосовым. Можно предположить, что в сюжете и деталях повести «Собачье сердце» также сказалось знакомство М. А. Булгакова с Зоологическим музеем и Институтом сравнительной анатомии.

В квартире Северцовых некоторое время жила М. Цветаева, но в ее творчестве пока не удалось обнаружить каких-либо реминисценций, связанных с музеем. А вот в творчестве О. Э. Мандельштама его знакомство с Зоологическим музеем выступает совершенно очевидно. Одно из его стихотворений (К немецкой речи: «Себя туба, себе противоречь, как моль летит на огонек полночный...») посвящено сотруднику музея энтомологу Б. С. Кузину. Известно и стихотворение, посвященное Ламарку, написанное явно под влиянием знакомства автора с музеем.

... К кольцам, спущусь и к усопшим,

Прошуясь среди ящериц и змей,
По упругим склонам, по изогнутым
Сокращусь, исчезну как Протей...

Есть у О. Э. Мандельштама и стихотворение, местом написания которого сам автор обозначил Зоологический музей:

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-брэнди
Ангел мой!

Там, где эллину сняла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
по Волнам,
Ну, а мне соленой пеной
по Губам!

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет —
Ничего.

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
Все равно —
Ангел Мэри, пей коктейли,

Дуй вино!
Я скажу тебе с последней
Прямотой —
Все лишь бредни, шерри-брэнди,

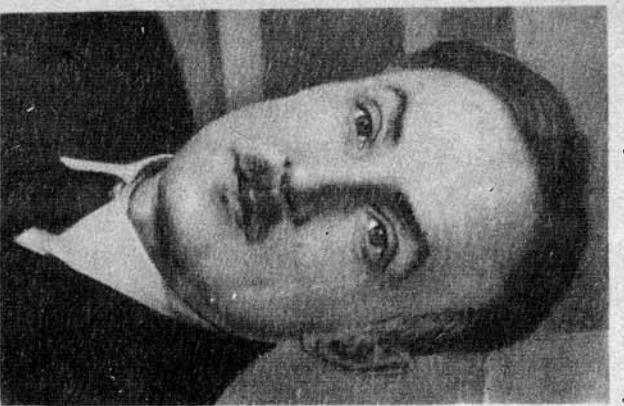
Ангел мой!

Март 1931, Москва, Зоологический музей¹

Однако своему важнейшему назначению — сохранению научных коллекций и экспозиционной работе — музей мог служить все меньше и меньше из-за возрастающей стесненности в помещениях и средствах. Из этого критического состояния он был выведен, когда благодаря передаче его в 1931 г. в ведение Музейного отдела Наркомпроса РСФСР получил официальное название «Центральный государственный зоологический музей в Москве», а также статус самостоятельного научно-исследовательского, учебно-методического и массово-просветительного учреждения в системе Московского университета. В таком качестве музей просуществовал до 1939 г. Эта реорганизация существенно улучшила положение музея: были значительно расширены штаты и увеличены финансовые возможности, освобождена значительная часть помещений. Директором музея был назначен специалист по охране природы и заповедному делу В. Н. Макаров, его заместителем по научной работе (с 1932 г.) — С. С. Туров.

Важным событием стало присоединение в 1931 г. к Зоологическому музею Музея сравнительной анатомии с его обширными коллекциями и хорошо оборудованным экспозиционным залом. Поводом для этого послужила ликвидация Института сравнительной анатомии. Долгие годы тесных научных контактов и существования в одном здании сделали объединение двух музеев достаточно естественным и безболезненным.

¹ Мандельштам О. Собр. соч. М., 1957. Т. 1.

Укрепление положения музея, увеличение штата сотрудников (в том числе научных) создали возможность образования в нем разных структурных подразделений. В 1932 г. была принята следующая структура: образованы отделения охотниче-промышленное, выполняющее чисто экспозиционные функции (заведующий С. Д. Перелешин), филогенетическое (заведующий Б. С. Матвеев) и научно-систематическое. Это последнее в свою очередь делилось на лаборатории (секции, впоследствии отдельные) — млекопитающих (заведующий В. Г. Гептнер), орнитологии (заведующий Г. П. Дементьев), герпетологии (заведующий Н. В. Шибанов), ихтиологию (заведующий Г. В. Никольский), энтомологию (заведующий Б. С. Кузин, с 1935 г. — А. Н. Желюховцев), беспозвоночных животных (заведующий Г. Г. Абрикосов). Поскольку вся хранительская работа велась теперь по указанным лабораториям, самосто- тельно решавшим свои проблемы, должность ученого (главного) хранителя по музею в целом была упразднена (что, конечно, было ошиб-

кой, устраниной лишь через 40 лет). Экспозиционная работа также велась по этим лабораториям, ее общее научное курирование осуществлялось в разное время разными учеными музея. Приведенная структура почти целиком сохранила и поньне; наиболее существенные изменения состояли в ликвидации в 1939 г. охотниче-промышленного отделения и введения в 1945 г. отдела экспозиций (с 1946 до 1962 г., т. е. до самой смерти, его возглавлял И. Н. Плавильщиков). К концу 30-х гг. численность штатных сотрудников в музее достигла 45 человек, 18 из них были научными сотрудниками. В музее предвоенные годы работали Е. В. Боруцкий, Д. М. Вижлинский, Н. А. Гладков, А. Н. Дружинин, А. Н. Желюховцев, А. Ф. Каменский, Г. А. Костылев, Б. С. Кузин, А. В. Михеев, Л. Г. Морозова-Турова, А. А. Парамонов, Е. С. Птушленко, А. П. Разorenova, А. А. Светловичева, А. М. Судиловская, Н. С. Ульянин, В. И. Цалкин, Б. Н. Цветков, а также сверхштатные сотрудники Я. А. Бирштейн, В. И. Сычевская, Н. М. Киналев. Эти ученые, чьи имена хорошо знакомы большинству современных зоологов, были авторами сборов и описаний чрезвычайно большой по объему и сердцевинной по содержанию части существующих сегодня систематических коллекций музея.

В предвоенные годы сотрудниками музея выполнены обширные фаунистические исследования на территории нашей страны, значительная часть которых была тогда же опубликована. С 1935 г. стала выходить сборник трудов музея, который в 1965 г. получил название «Исследования по фауне Советского Союза» и стал ежегодным. В связи с оживлением научной работы увеличился приток коллекций, к 1940 г. их было уже около 1,2 млн. экз.

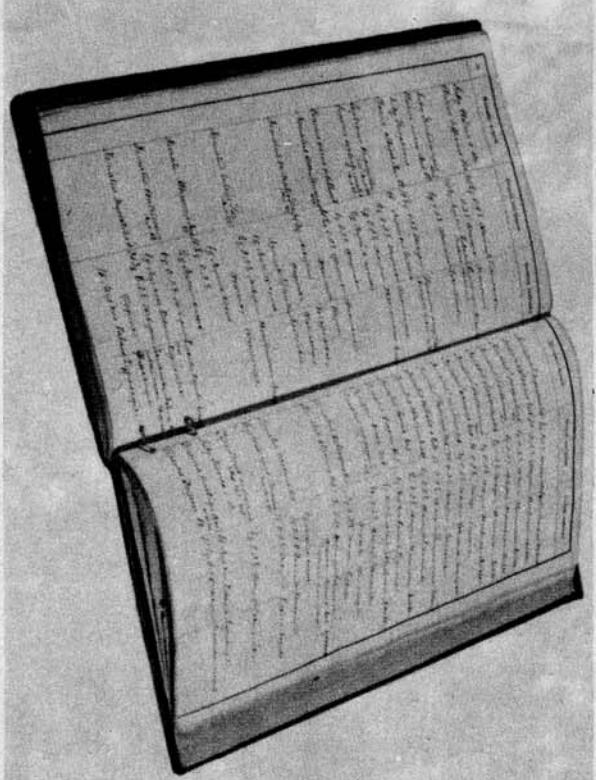
Проведенная реорганизация и освобождение к концу 1932 г. многих помещений музея от сторонних организаций значительно улучшили возможности хранительской работы. Постепенно стабилизировалось размещение большей части фондов отдела беспозвоночных и коллекции насекомых; в этом же зале в так называемых «междупкафьях» (закрытых пространствах между стоящими «спиной» друг к другу экспозиционными шкафами) хранилась некоторая часть влажных коллекций тех же беспозвоночных, а также рептилий и амфибий. Вся ихтиологическая коллекция и рабочие места сотрудников этого отдела были размещены в подвалном помещении в левом крыле здания музея. Подвал угловой (центральной части) музея заняли под хранение крупных объектов териологической коллекции — сундуков со скелетами, черепами копытных и китообразных; в этом же помещении были организованы рабочие места для их исследования. За сухими коллекциями птиц и млекопитающих (шкурки, черепа) были сохранены хоры Верхнего зала.

В это же время началась работа по упорядочению системы учёта коллекций. В частности, В. Г. Гептнер ездил в Зоологический институт (бывший музей) Академии наук в Ленинграде специально для ознакомления с принятой там системой и составил докладную записку со своими предложениями. В 1933 г. общемузейская «Шнуровая книга» была разделена на фрагменты, в которых велись записи по

Георгий Петрович Дементьев

Николай Николаевич Плавильщиков

отдельным группам (млекопитающим, птицам и т. п.), эти фрагменты были разданы в соответствующие отделы, которые стали самостоятельно вести учет фондов.

Шнуровая книга для записи поступлений музейных предметов

Радикальные улучшения произошли в экспозиционной работе. Залы были почти освобождены от рабочих мест, экспозиция Нижнего зала претерпела существенную реконструкцию. В конце 1932 г. музей был полностью открыт для публики, что не замедлило скажаться на количестве его посетителей: в 1932 г. их было только 582, в 1933 г. — уже более 13 тыс. В это же время развивается и активная популяризаторская деятельность — читаются многочисленные публичные лекции как в стенах музея, так и выездные, организуются стационарные и передвижные выставки. Наряду со штатными экскурсоводами, экспозиционно-выставочной и просветительской работой занимаются все сотрудники музея.

Университет активно стремился вернуть Зоологический музей в сферу своего внутреннего управления, мотивируя это интересами развития научных исследований и более тесной взаимосвязью с учебным процессом. И в начале 1939 г. Наркомпрос РСФСР вновь передал музей в административное подчинение Московскому университету. В связи с этим В. Н. Макаров покинул пост директора. Несколько месяцев эти обязанности исполнял аспирант Н. С. Ульянин, а в сентябре 1939 г. директором стал энтомолог-любитель Н. Н. Филиппов.

В первые же дни войны — в июле 1941 г. — музей был закрыт для посетителей. Были сокращены ставки экскурсоводов, препараторы

ров, научных сотрудников-совместителей, а также тех штатных сотрудников, которые ушли на фронт. Исполнение обязанностей директора взял на себя Сергей Сергеевич Туров. В 1942 г. он был утвержден в этой должности и оставался на ней (после войны как совместитель) до 1960 г.

Осенью 1941 г. коллекции были законсервированы и частично эвакуированы. Сундуки со шкурами млекопитающих были отправлены железнодорогой (перед этим они пролежали несколько недель под открытым небом в Московском Южном порту) в Алхабад, куда выехал Биологический факультет университета. Часть влажных коллекций также отправленных в Южный порт для эвакуации, по одним сведениям, пролежала на пристани, по другим — была погружена на баржу, где и оставалась до момента возвращения в музей. После повреждения здания музея ударной волной от бомбы, упавшей в университетский двор на другой стороне ул. Герцена (в здании была выбита большая часть стекол и разбит стеклянный «фонарь»), все коллекции из Верхнего зала были размещены в Нижнем зале и частично в различных подвалочных помещениях университетского здания. Нечего и говорить, что при многочисленных перемещениях и хранении в совершенно непригодных условиях некоторая часть коллекций была безнадежно испорчена, но к чести оберегавших их музейных сотрудников — лишь незначительная часть.

Несмотря на тяжелые условия, музей очень скоро стал возвращаться к нормальной жизни. Уже в марте 1942 г. были открыты для посетителей Верхний зал и Зал эволюционной морфологии. В середине этого же года коллекции, находившиеся в Алхабаде, были перевезены в Свердловск, откуда в 1943 г. возвращены в Москву. В 1945 г. открылся для посетителей Нижний зал: до конца войны он служил хранилищем научных коллекций, в нем также находились рабочие места. Хочется подчеркнуть, что в эти тяжелые годы ни в Москве, ни в Алхабаде не прекращалась научная работа и комплектование коллекций. Так, сопровождавшие музейные коллекции в Алхабад профессора использовали эту возможность для фаунистического исследования Балхзы (В. Г. Гептнер, Д. П. Гофман) и Гасанкули (Г. П. Дементьев, Е. В. Боруцкий). В 1943 г. С. С. Туров ездил в экспедицию на Кавказ.

В первые же послевоенные годы все стороны деятельности музея стали активно восстанавливаться. Постоянно организовывались те-

Сергей Сергеевич Туров

го здания для Московского университета на Ленинских горах ряд его подразделений и служб временно разместились в помещениях музея. В период переезда университета в 1953—1954 гг. музей пришлось даже закрыть для посещения, настолько его здание было перевезено.

Ангелина Михайловна Судиловская

матические временные выставки. Наметилось оживление в пополнении научных коллекций, больше специалистов стало обращаться к ним для обработки. По материалам, накопленным в последние предвоенные и военные годы, стали публиковаться фундаментальные сводки и определители по орнитологии по некоторым группам млекопитающих, по фауне Туркмении. Очень заметной была научно-популярная деятельность С. С. Турова и Н. Н. Плавильщиков, которые уделяли большое внимание ознакомлению самых широких слоев населения с методами музейной работы, наблюдений над животными в природе, истории биологии. Наконец, в связи с приведением в порядок возвращенных из эвакуации и расконсервированных коллекций стали развиваться новые для музея формы учетной работы: например, в отделе млекопитающих было положено начало составлению систематического каталога.

Вклад ученых музея в отечественную зоологию в те годы был оценен очень высоко. Так, авторский коллектив многотомного издания «Птицы Советского Союза» удостоился Государственной премии за 1954 г. Эта же премия за 1950 г. в числе других были награждены Г. В. Никольский и Е. В. Боруцкий за разработку системы мероприятий по повышению рыбопродуктивности Амура. В 1953 г. за работы в области зоологии были вручены правительственные награды: орден Ленина — Е. В. Боруцкому, ордена Трудового Красного Знания — А. М. Судиловской и Г. П. Дементьеву.

К сожалению, по целому ряду причин этот подъем был недолговременным. С конца 40-х гг. в связи с началом строительства ново-

Евгений Владимирович Боручик

преподавательскую работу в Московском университете (В. Г. Гептнер, Г. П. Дементьев, Г. В. Никольский) или в педагогические ВУЗы (С. С. Туров). Число штатных научных сотрудников в музее к 1953 г. сократилось до 17.

Однако, очевидно, огромные коллекции не могли оставаться без квалифицированной научной обработки. Зоологи, усилиями которых в большей мере они были созданы и сохранены, формально оставив музей, по существу сохранили с ним тесные творческие связи. Музей стал активно развивать институт внештатного (стороннего) кураторства. Научные кураторы-консультанты Г. П. Дементьев, В. Г. Гептнер, Е. С. Птушенко, Е. В. Боруцкий, имевшие в музее постоянные рабочие места, в своих основных трудах всегда местом работы указывали музей. Это показывает всю искусственность создавшейся тогда ситуации. Среди внештатных кураторов, внесших в то время большой вклад в пополнение, определение и описание тех или иных разделов научного фонда музея, были очень многие крупные зоологи Москвы. К их чести все свои кураторские обязанности они выполняли безвозмездно. Воистину музей чаще всего держатся на энтузиазме!

В 50-е гг. основные события в жизни музея были связаны с переносом всей учебной и научной части Биологического факультета на Ленинские горы (окончательная дата — 1954 г.). Теперь значительную часть здания музея (хотя ряд помещений по-прежнему оставался занятым под жилые квартиры и некоторые университетские службы) стало возможным использовать по прямому назначению — для хранения и демонстрации коллекций, более свободного размещения сотрудников, работающих с этими коллекциями. Йюк-

ний зал был частично освобожден от влажных коллекций отделов беспозвоночных животных и герпетологии, хоры Верхнего зала — от части териологических коллекций. Зал эволюционной морфологии — от рабочих мест таксидермистов (последние переехали «под мамонтов» — в помещение, примыкающее к вестибюлю музея). Увеличилось также число рабочих мест для научных сотрудников (в том числе сторонних кураторов). Коллекции стали более доступными для исследования, условия их хранения и работы с ними более благоприятными.

Из-за возникшей территориальной разобщенности с Биологическим факультетом сократилось использование научных коллекций в учебном процессе, непосредственное участие в нем хранителей коллекций. На зоологических кафедрах факультета в связи с этим были созданы собственные небольшие учебные коллекции, но они по своей познавательной ценности ни в какое сравнение не могли идти с коллекционными фондами музея. Исчезновение прямого контакта студентов и многих преподавателей с богатейшим научным собранием, со специалистами, которые это собрание хранят и исследуют, существенно снизило преемственность в развитии классического зоологического образования, лишило его значительной доли фундаментальности. К сожалению, такое положение сохраняется и до сего дня.

Изменение системы отношений музея с факультетом, определенный отток научных кадров, кроме того, известные события в биологии конца 40 — начала 50-х гг. не могли не сказаться на характере научно-исследовательской работы, проводившейся в стенах музея. Разработка теоретических проблем эволюции, эволюционной морфологии постепенно сошла на нет. Стали преобладать систематико-фаунистические исследования с более или менее выраженным практическим уклоном. Самы по себе они чрезвычайно важны: без них невозможно оценить ни истинный объем разнообразия животного мира, ни его изменения под влиянием человеческой деятельности. Но сокращение теоретических разработок нарушило тот необходимый баланс фундаментальных и прикладных исследований, без которых ни фаунистика, ни практическая систематика не могут успешно развиваться. Сложившаяся ситуация и крайне скучное финансирование научной деятельности музея (в частности, пополняемых учреждениями, отчасти и с заповедниками. Кроме того, появилась насущная необходимость расширять международные связи: серьезные исследования по систематике требовали непосредственного ознакомления с материалами с зарубежных территорий.

В 1955 г. все три экспозиционных зала открывались для посещения; это было приурочено к 200-летнему юбилею Московского университета. Восстанавливаются в связи с этим штаты экскурсоводов, на должность которых приходят молодые исследователи. Многие из них на долгие годы связали свою жизнь с Зоологическим музеем, их имена сейчас хорошо известны зоологам. Среди них — О. Л. Россолимо (директор музея), В. Ф. Положихина (Орлова) (зав. отделом

Сергей Гаврилович Соин
герпетологии музея), А. А. Шилейко (научный куратор коллекции наземных моллюсков), Л. С. Степанян (научный консультант отдела орнитологии) и др.

В то время, как экспозиционная и фондовая работа в музее в конце 50- начале 60-х гг. расширялась, вопрос о штатах научных сотрудников — ключевой для любого научно-исследовательского учреждения — по-прежнему стоял очень остро: низкие должностные оклады не привлекали в музей специалистов высшей квалификации. Система совместительства была единственным, хотя и далеко не лучшим выходом. Эта система распространялась даже на директоров Зоологического музея. Уже с 1950 г. С. С. Турков параллельно заведовал каф. зоологии в Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потемкина. В 1960—1963 гг. директором по совместительству был профессор кафедры ихтиологии МГУ Сергей Гаврилович Соин, в 1964—1969 гг. — профессор кафедры биогеографии МГУ Николай Алексеевич Гладков. Первым чисто «музейным» директором стала Ольга Леонидовна Россолимо, которая с 1970 г. по настоящее время выполняет свои директорские обязанности.

В середине 60-х гг. проблема с научными (в том числе руководящими) штатами музея получила неожиданное и при этом весьма неоднозначное разрешение. Введенная в 1957 г. система оплаты труда научных сотрудников в соответствии с категорийностью не коснулась Зоологического музея. Чтобы как-то исправить положение и сохранить специалистов при музее, его научные сотрудники в 1965 г. из штатов музея были переведены в штаты 4 кафедр Биологического

Николай Алексеевич Гладков

Ольга Леонидовна Россолимо

Ольга Леонидовна Россолимо

В начале 70-х гг. Зоологический музей вступил в затяжной и крайне трудеомккий период полной реконструкции экспозиции и фондохранилищ, перепланировки размещения отделов. Этому способствовал ряд событий. В 1971 г. Нижний зал музея пришел в аварийное состояние. По требованию пожарной охраны была закрыта и полностью разобрана Большая зоологическая аудитория. В течение 70-х гг. было завершено (за единичными исключениями) освобождение здания музея от жильцов и сторонних организаций. Площадь помещений, которых стал располагать музея, увеличилась почти в два раза — с 2,8 тыс. м² до 5 тыс. м². Это, естественно, побудило стремление за счет новой системы размещения отделов избавиться наконец от «лоскутного» принципа, сложившегося за многолетнюю историю вынужденного «вписывания» коллекций в помещения, занятые кем и чем угодно, но только не музеем.

Получив новые возможности, сотрудники музея с большим вниманием отнеслись к усовершенствованию оборудования хранилищ. Для большинства отделов была принята стеллажная система вместо прежних деревянных шкафов: металлические стеллажи надежнее в противопожарном отношении и позволяют полнее использовать объемы помещений. Только для энтомологических коллекций была сохранена прежняя система шкафов, однако значительная их часть гербыла обновлена: часть коллекции насекомых стала храниться в герметичных металлических шкафах. В итоге, пожалуй, впервые за всю историю музея к середине 80-х гг. удалось создать приемлемые условия для содержания научных коллекций. Впрочем, некоторые серьезные проблемы так и остались пока нерешенными: в их числе

ного факультета (по специализации). За ними были сохранены постоянные рабочие места в музее; но юридически музей остался без научных сотрудников. Подобная ситуация, абсурдная сама по себе, чуть было не сыграла роковую роль в начале 80-х гг. при реорганизации научно-исследовательской части Московского университета. Только здравый смысл и энтузиазм людей, понимавших всю губительность для музея такого положения, спасли ситуацию. В 1986 г. ее острота в значительной мере была снята созданием на базе музея научно-исследовательской лаборатории таксономической зоологии и кадастровых исследований (во главе с О. Л. Ростолимо), объединившей в единое целое научный коллектив музея.

размещение части коллекций на хорах экспозиционных залов, отсутствие системы поддержания стабильного микроклимата в фондохранилищах.

Пройти сложный период полной реконструкции музея без по-
терь, к сожалению, не удалось. К их числу, несомненно, относится
разрушение классического амфитеатра Большой зоологической
аудитории; возможно, в будущем он будет восстановлен. Большая
заслуга музея состоит в том, что его бесценные научные фонды за
время массовых перемещений остались без явных повреждений.
Здесь нужно отдать должное энтузиазму всего коллектива сотруд-
ников — особому свойству музейцев, всегда позволявшему выстоять
в трудные времена. Более того, этот период ознаменовался
пополнением коллекции новыми очень интересными собраниями. Сре-
ди них особого внимания заслуживает самая крупная в стране лич-
ная коллекция бабочек А. В. Цветаева; оологическая коллекция
В. Е. Флинта. В эти же годы в музей стали регулярно поступать об-
ширные сборы Советско-Монгольской комплексной биологической
экспедиции АН СССР и АН МНР.

Не приостанавливалось в этот период и научное исследование
коллекций. Количество сторонних специалистов, работавших в му-
зее, оставалось фактически прежним: сотрудники музея считали
себя не вправе, хотя это и значительно усложняло их работу, за-
крывать доступ зоологов-систематикам к одному из основных фон-
дохранилищ страны. Не был сокращен международный обмен: под-
держание широких научных контактов с зарубежными коллегами
всегда считалось принципиально важным

В происходящую в 70—80-е гг. реконструкцию музея логично вписалось значительное обновление его научных кадров. Количеству научных сотрудников удалось увеличить до 25 человек. В эти годы в музей пришли многие уже сложившиеся специалисты-систематики (М. В. Гептнер, Н. И. Кудряшова, Н. Б. Никитский, А. В. Свиридов, А. И. Шаталкин), а также молодые сотрудники с перспективой «научного роста» в стенах музея. Некоторые из них к настоящему времени уже стали известными специалистами в своих областях (Е. Д. Васильева, Д. Л. Иванов, К. Г. Михайлов, И. Я. Павлинов, П. С. Томкович). Приток научной мысли неизбежно повлек за собой

35 тыс. единиц хранения. Помимо сборов самих сотрудников музея в комплектовании его коллекционного фонда участвуют более 200 учреждений.

Самостоятельную структурную группу фонда музея составляет коллекция живописи, графики, скульптуры. Анималистическая живопись и графика В. А. Ватагина, А. Н. Комарова, Н. Н. Кондакова и других художников-анималистов, живописные портреты деятелей музея XIX—начала XX вв. широко используются музеем в оформлении экспозиции, выставок, интерьеров, являются предметом самостоятельного искусствоведческого исследования.

Вся научная работа музея, как и прежде, связана с проблематикой изучения разнообразия биоты. Фундаментальные исследования в этой области, практические работы по инвентаризации фауны, особенно в районах активной хозяйственной деятельности человека, осуществляются как часть национальных и международных проектов по учету, охране и рациональному использованию животного мира. В последние годы значительно возросла научная продуктивность сотрудников музея, причем больше внимания, чем прежде, уделяется публикациям крупных обобщающих работ. Так, за последние 5—6 лет музей выпущено более 10 монографий по систематике и спра-

Василий Алексеевич Ватагин

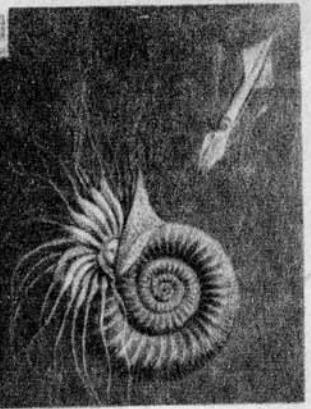
расширение сферы исследований. Наряду с традиционными для музея описательными таксономическими и фаунистическими работами усилились теоретические разработки в области таксономии и филогенетики. В систематических исследованиях расширен диапазон подходов и методов (кардиологический и биохимический анализ, изучение поведения и коммуникативных связей). Наконец, в самое последнее время в сфере научной деятельности музея заложено музееведческое направление: приглашен известный специалист в этой области И. В. Иксанова.

В начале 70-х гг. восстановлена важнейшая для каждого музея должность главного хранителя. В настоящее время главный хранитель музея — С. А. Кулешова, ранее возглавлявшая такие крупные музеи Москвы, как Биологический музей им. К. А. Тимирязева и Дарвиновский музей.

Сегодня музей хранит научные коллекции численностью около 4 млн экз. Подавляющую их часть составляет энтомологическая коллекция (около 3,6 млн экз.); очень значительны также собрания по млекопитающим, птицам. По объему и научному значению своих коллекций Зоологический музей относится к крупнейшим музеям соответствующего профиля наряду с Национальным музеем естественной истории в Вашингтоне, Британским музеем (естественной истории) в Лондоне, Естественно-историческим музеем в Берлине, Зоологическим институтом и музеем АН СССР в Ленинграде. С эти-ми коллекциями ежегодно работают примерно 250 специалистов из 130—150 учреждений нашей страны, до 70 иностранных ученых из которых они не могут нормально развиваться, составляют около

Картина А. Н. Комарова «Зан»

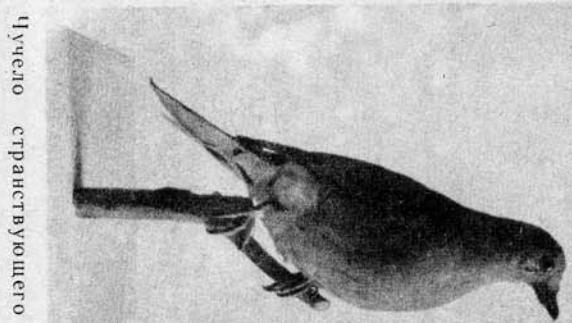
Картина И. Н. Кондакова «Ископаемые головоногие»

вочных изданий, в том числе по хранению и учету научных коллекций, более 300 научных статей.

Больше возможностей стало для научно-просветительной деятельности. Активно работает реконструированная экспозиция, поток посетителей которой составляет ежегодно до 200 тыс. человек. Музей организует тематические экскурсии для учащихся средних школ, профтехучилищ, студентов ряда ВУЗов — в среднем до 2,5 тыс. экскурсий в год по 12 темам. Готовится к принятию

посетителей кинолекторий музея, созданный на базе Большой зоологической аудитории. Расширяется и выпуск научно-популярной и учебно-познавательной печатной продукции: например, в последние годы через издательство «Педагогика» выпущена серия книг, посвященная животным, помещенным в Красную книгу СССР, в рамках цикла «Береги природу»; через издательство «Изобразительное искусство» выпущена серия открыток с изображением наиболее интересных насекомых (бабочки, стрекозы, прямокрылые).

За свою 200-летнюю историю Зоологический музей Московского университета сложился в крупное учреждение, в котором достаточно гармонично сочетаются все три ключевые музейные функции — пополнение и хранение научных коллекций как подлинных предметов естественной истории, изучение познания разнообразия животного мира и механизмов его эволюции, экспонирование этих коллекций как средство воспитания экологического мышления и понимания того, что сохранение существующего многообразия живого есть основа благополучного существования жизни на Земле.

Чучело странствующего голубя

Скелет стеглеровой коровы